

1-595к.

Красная
Улица

Стихи и песни

Иваново-Вознесенск

1920

~~341~~
1-595к.

КРАСНАЯ УЛИЦА

СТИХИ и ПЕСНИ.

Издательство Обл. Нарч. Библ.

Степан Краевой

2010

Ил.-Вознесенский Губсовнарком
Государст. единя типографил.

1920

99

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

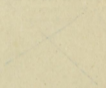
3/11/81 1/11 66 5922
А. Кай Лавар

ского Ал
производ

3 ТМО Т. 1 мая. 3. 1171-79

Handwritten text on a yellowed label at the top of the page, including the number 10000.

Handwritten numbers and markings in the top right corner, including '10000' and '1'.

Издание Иваново Вознесенского губернского Ап-
ства В. Ц. И. К. по распространению произведе-
печати.

Blue ink markings at the bottom of the page, including the number '10000' and other illegible characters.

Отдел Краевой

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В конце 1919 года, благодаря стараниям Завед. Губ. Агентством Центропечати Ф. К. Великанова, нами был выпущен в свет советский песенник и декламатор „Крылья Свободы“, в котором большое место было уделено произведениям Иваново Вознесенских поэтов.

Этот первый опыт показал практически, что спрос на такого рода издания чрезвычайно велик: отпечатанный в количестве 20,000 экз., сборник разошелся в течение 2-х месяцев, причем спрос на него все еще продолжается.

Сборник был разослан для отзыва во многие издания, и отзыв о нем был дан довольно хороший.

Между прочим, Петроградский Пролеткульт, куда, был послан наш песенник-декламатор, в настоящее время подготавливает материал для подобного же издания.

В статье „Новая поэзия“ (Известия В. Ц. И. К. от 27 ноября) т. Луначарский говорит по поводу первого нашего сборника, „Я хочу отметить, что тенденция к использованию уже весьма значительного и вполне художественного материала, живое исполнение его на эстраде является делом, напрашивающимся само собою.“

Так в Иваново Вознесенске издан сборник „Крылья Свободы“ специально как сборник рекомендованных для эстрады номеров. Туда вошли стихотворения Клюева,

Есенина и Орешина, пролетарских поэтов и целого ряда поэтов рабочих самого Иваново-Вознесенска, в том числе б. пастуха Семина.

И заимствованные и местные стихотворения в большинстве случаев весьма недурны и почти сплош эффектны для декламации и пения. Для последнего необходимо, конечно, написать к целому ряду таких песенных стихотворений музыку, что „молодые композиторы“, наверное, смогли бы сделать не без удовольствия.

Я думаю, что следует повторить такой опыт в более широком виде.

Приведенное выше мнение т. Луначарского, как авторитета, чрезвычайно ценно для нас, ибо в провинции на подобного рода издания укоренился иной взгляд.

И вот, при такой моральной поддержке, мы решили продолжить наш опыт изданием „Красной Улицы.“

В этом сборнике отдано место исключительно поэтам местного края, группирующимся вокруг Иваново-Вознесенской газеты „Рабочий Край.“

Нельзя не отметить того, что большинство участников этого сборника рабочие и крестьяне.

Составители.

Мих. Артамонов.

ВЫСЕЛКИ

(Посвящаю Максиму Горькому).

На бледной неба просини,
В тиши родных полей,
От третьегодней осени
Дрожит стоокий змей;
Дрожит и пышет полями,
Бросая дым, патью
Между полями голыми,
Предав все забытью.
То фабрика-изменница
На Выселки г мит,
То тучею оденется,
То змеем засвистит.
Гудят стальные матицы,
Подпоры этажей
И злом гулким катится
Шум в преголи полей..
Не паханы, не ораны
Поля и косяки,
Кружатся низко вороны

На гумнах у реки...
Как время то изменится!
Где рожь—репейник там;
Всех фабрика-изменница
Ваяла по корпусам.

Бывало, над угорами
Гармонь зовет, звеня.
Глаза горят задорами:
Поймай-ка, мол, меня!
Бегут по склену девушки
Парням ли не догнать? . .
В горелки, в погорелушки,
Теперь им не играть.
Семик ли правят девицы,
Березки—ал наряд,
Где склены зеленеются,
Гармоньки звенят
И смех влекущий, внутренний
Влечет, зовет игрой,
До самой до заутрени
Не тихнет над рекой...
Колдуют ночи чарами,
Угарами—в семик,
В поеме над стожарами
Вороний слышен крик.
Захлопали, закаркали,
Над выгоном кружась...
— Чего ты ждешь подарка ли,
Венца ли—все для нас!
Не я ли зори красные
Тоскую и не сплю?
Ой, милая, ой, ясная,
Тебя-дь я не люблю?..

Вся жизнь моя не почата,
Все жизнь тебе отдам!
А зари-то, а ночи-то,
Взгляни: колдуют нам..
Ой ночи, ночи ранние,
Кого вам не смутить?
Жизнь радостней, туманнее,
Теперь ли нам не жить?

Венки плетут и венчики,
Бросают в бочаги,
Раут алые бубенчики
Э поеме у реки..
Звенит смех девий около:
Кем буду занята?
Гадает про мил-сокола,
Глядятся в омута.
Кто суженый, кто ряженный,
Скажи, Царь Водяной,—
Кто будет разряженный
Венец держать со мной?
В огумнах в мочку темную
Кто будет милой звать
И с лаской неумною
Мне косу расплетать?..
Гадает о мил-соколе,
Глубоко-ли падет,
Глубоко-ли, далеко-ли
Венок их проплывет?

Придет ли праздник Троица,
День Духов,—среди села
Игра-песню настроится
Шумна и весела.

Ломают парни пряники
И потчуют девье:
Ты милая, хорошая,
Ты солнышко мое!
Возьми, отведай пряника..
— „Любила бы.—взяла!“
Ой, солнышко, ой, красное,
Напрасные слова!..

Все взрослые с подростками
В Купала дивью ночь
Стоят над перекрестками
Сорвать цветок не прочь;
Стоят колдуя старыми
Поверьями времен
И слышен за стожарами
Их поцелуйный звон
Колдуют ночи пьяные,
Дымит росой трава,
И льстивы те смутьянны,
Их пьяные слова..
Ой, вейся, вейся алая
Ты лентсчка-косник,
Тебя-ль не сберегала я?
Да розвил чаровник...
Вошел ко мне мой суженый,
Мой ряженный вошел,
Вся жизнь моя разбужена,
Он косыньку расплел..

Прошло то время вольное,
Былой разгульный взмах.
На фабрику—раздольное—
Попрятаю впотьмах.

Стоят на прежнем гульбище,
На Выселском холму
Три корпуса фабричные,
Стоят, гудят в дыму.
И с этих пор предания,
Былой изустный сказ
Стал призрачной, туманнее,
Все гас и гас. . . погас.
Всех девушек зорянушек,
Чей облик светел, мил
Всех корпус горя-фабрики
К себе заполонил.
Парней, что шли с гармониями
В Семик, весенний день,
Загнал тот змей—угонями
С окружных деревень.
И старые и малые
Стоят по корпусам
Ой, снежки-снеги талые
Не бегать в поле нам!..
Придешь в ночи измученный,
Раздавленный, больной.
Все вместе, но разлучены
За каменной стеной
Шумит, гремит и охает
И стонет меж полей
На горе нам построенный
Стоокий корпус змей.
Гудят стальные матицы.
Весь люд затих, угрюм.
Рокочет, стонет, катится
Фабричный гулкий шум.

Ой, очи, очи синие!
Понять ли в вас тоску!
На фабрику богинею
Вошла ты ткать к станку.
Коса, что лен расчесанный,
Плешила, обожгла.
Ты взглядами забросана
Ткала, ткала, ткала...
Бежал уток с основою,
Шумели корпуса.
Не свыклась с жизнью новою
Ты, русая коса!
Потухли очи синие,
Туман их заволок,
Все будто в блески мнея
Наряжены в хлопок.
Коса, что лен расчесанный,
К тебе всех привела.
Ты взглядами забросана
Терпела, не ткала.
Шли целыми оравами:
Контора, мастера.
Произана лукавыми
Ты взглядами с утра.
Все ждали, ждали случая
Втоптать бы в грязь тебя
О, кроткая, могучая,
И светлая моя!
Верь, сгинет тьма нещадная!..
Забудь ты скорбь свою.
Крепись же, ненаглядная,
На жизненном бою!

ГУЛЬБИЦЕ.

В день весенний Николы Святителя

Разгулялись парни слободские,

Разгулялись степенные жители.

Даже власти—урядник и сотские

Долго праздника ждали престольного,

Нарядились в ткани богатые,

Выходили на склоны раздольные

На поволжские склоны покатые.

На гулянке палатки разметаны,

Зазывали торговцы обманники:

— Подходите, пожалуйста, вот—оно!

Карамель и конфеты и пряники...

Возле Тимки, прозваньем Оконника,

Собиралась кучка немалая,

Надрывалась хрипло гармоника,

Разносилась песня утлая.

— Эй, не больно там чаешься ты пьяница!—

Голос по дугу росному стелется—

Мало-ль девка какая приглянется.

Так и надо шуметь, канителиться...

На зеленых холмах над раздольями

Драка вспыхнула буйная, дикая

Парни бились ножами и кольями

Смерть носилась по склону безлика.

Развернется ли Тимка да срежется,

Размахнется ли Тимка да схватится,—

Так любой на ногах не удержится,

Так любой супротивник покатится

Руки сельских властей зачесались,

Размахнулись, —к побонцу двинулись

Да не долго дрались — сражались:

На сырую на землю раскинулись

Замаяхали ребята кастетами,
Замаяхали ребята кинжалами,—
Много там полегло неотпетыми
Меж кровавыми лентами алыми.
День веселый Николы Святителя
Буйно встретили парни слободские
Недосчитаны многие жители
Даже власти—урядник и сотские

1914 г.

Ударили к обедне у Спасова Дола,
Зовет гульливая песня в храм.
На улице вешний зеленый Никола
Ряду цветную бросил по рвам.

Радостно жить при солнечном звоне,
Итти и глядеть на цветное гумно.
Сзади жизнь полна беззаконий,
От жизни осталось безверье одно.

Но когда увидишь луг алый,
Лютки и лилию и цветной загон—
В душе, которая жить устала,
Родится светлый серебряный звон.

Иду и думаю . что—не знаю.
Гляжу на цветное поле-даль,
Слушаю звон, себя поверяю
Свою цветную в душе печаль.

ВЫДУ. ТОПНУ...

(Из песен девичьих).

Выду. топну, да прихлопну, да при-
стукну каблуком—
Я ли вольная девченка, не печалюсь
ни о ком,
Что мне кляты, что мне просьбы,
что мне брошенный намек,
Как глядит, не наглядится мой ли ми-
лый паренек.
Я пройду в кругу под пляску, я плат-
ком ему махну.
Много песен я певала, да спою ему
одну,—
Эта песня про девичник, эта песня
про сватьё—
Пой ты песенку-запевку, сердце воль-
ное мое...

Милый мой,
Хороший мой,
Последний год
Корят тобой,—
Выду, стану
К аналою
Нарекусь
Твоей женой..
Что намеки,
Пересмешки?
Недалеки
Наши дни,

Мы зажжем
Паникадила,
Заживем
С тобой одни.
Так играй,
Играй гармошка.
Разжигай
В душе огонь,
Пропляшу я,
На гулянке
Под тальянку
Под гармонь..

* * *

Выду, топну, да пристукну, да по кру-
гу проплыву. —

Вижу — вижу я милого и во сне и на яву.
Повяжу я полушалок, затяну его концы,
Вейтесь по полю, литые, золотые бубенцы.
Полетим мы по раздолью, по селу мы
пролетим,
Мы скрываться от народу на селе не
захотим.
Что мне эти все усмешки, не боюсь
усмешек я,
Вейся, вейся, не развейся, ты, веревочка моя!

ЦЕПНИ ВЕСНЫ.

Вы слышали серебряный звон,
Алый утренний смех луговой?
Этот смех раздаётся весной,
Это утренний шопот цветной.
Вы послушайте звон голубой, —
Ведь не каждому слышен весной
Этот звон — колокольчик цветной.
Берегите вы с ранних времен,
Дней, когда каждый час озарен,
Берегите подслушанный звон, —
Ведь не каждому слышится он.
Слушай.. слушай.. бутены звенят
Там, где луг голубой не примет;
Это ландыши ладан кадят,
О своей о весне говорят.

Свой бросая серебряный звон
На цветной неспрятый загон.
Слушай... слушай... бутоны звенят,
Это ландыши ладан кадят
Это венчик—бубенчик тильдам
Смех серебряный бросил в туман;
Слушай шопот рассвета, зари,
Сердцу светлому дверь отвори,
Дверь к надежде, любовным часам
По цветным-цветозвонным лугам.
Выйди, светлую девушку встреть
Чтобы жизнь ее светом согреть.

В новолуны лунных лун
Расцвела трава-плакун;
Я в цветной канун взываю:
— Выходи на шопот лун.

Ах, у лунных у дорог
Поостречать тебя не мог,
Проходил в тумане палом
В дымке утренней продрог!

Это явь или же сны
В новолуны сплетены,—
Вижу зореньку-зорянку,
Алый хмель моей весны.

На цветной ковер упав,
Прокатился шопот трав,
Кто-то весною запекает,
Ночь свою прекоротаю.

Тих мой праздничный канун
В новолуны лунных лун:
В моем сердце утомленном
Расцвела трава-плакун.

По весне да по пригреву
По румяному
Красны девки королезы
Шли полянами;
Пели песни, песни-звоны
Про царевича:
Кто мил-сужен нареченный,
Радость девичья?
В зеркала реки гляделнсь,
Во хрусталины,
Шли где травы зеленелись
На проталины.
Ой, вы травы,—первоцветы
Повеселение!
Сердце лаской не согрето,
В нем смятение:
Где-то милый королезич
Нецелованный?
Ты приди, приди, царевич,
Облюбованный!

Г О Р О Д.

Город стынет
В черном стоне,
По ночам
Клокочет высь,
На карнизах
Отдаленных
Огоньки
Переплелись...

Стынут вздохи
В звонких плитах
О забытых
Ранних днях,
Нас, забытых,
С толку сбитых
Потопили
В огоньках.

Не любили,
Потопили
Да и бросили
На дно.
Гаснут дали
В белой пыли,
Гаснут мысли...
Все равно!

Город дышет
Черный, гулкий.
Тихий крики,
Звонек гул

В темном, длинном
Переулке
Крик последний
Потонул.

Жизнь плетет
Одне обманы,
Жизни лик—
Обманный лик
В жизни—горе
И страданье—
Затасенный
Жуткий крик.

Кто страдает
Год за годом,
Тот не знает
Белых снов,
Поглядите
По заводам,
У фабричных
Корпусов.

Кто стремится
Только к свету
Для того—
Полжизни тьма,
Спят величием
Одеты
В предзаутрии
Дома...

Плетень сплетают девушки,
Не хочется отстать,
Вам, парни, при запевушке
Венок тот расплетать.

Пряники—витушки
Девкам припасем,
Подходите девушки
Одевать начнем.

Румяные и жданные
В цветные зори-дни
Поют безперестанные
Нам песенки они,

Плетки—заплетки,
Плетень—переплетень!
Ты вейся заплетайся
Плетень в зеленый день.
Пряники аржаники
Сластухи—семена
Потчuem—ворочаем,
Подходите—на!
Гостинца от принца
Отведай—говорим;
Кто чванится, останется,

Помиму раздарим!

С парнями гармонистами
Гуляй не пропадай,
Тропами нетористыми
Иди в нарядный май.

Ах, плетки, заплетки
Плетистый перелом
Мы девки—одногодки
Свою судьбу сплетем.

ШОПОТ ЗОРЬ.

Я гадаю у окна
Одношенька одна,
Эта ноченька зажженная
На радость мне дана,
Знаю—ведаю придет,
Станет милый у ворот,
Мой приглядистый, целованный
С собою позовет.
Скрой нас, ноченька—краса,
Накрошенная роса,
Развейся расплетенная
Волнистая коса!
Месяц, месяц—белый день
Ловит лесни деревень,
Ткет серебряные кружева,
Решетчатую тень.
По серебряным полям
Любоваться любо нам
И прислушиваться к звончатым
В душе колоколам.

Где ты запропастилась,
Моя зорька милая,
Что не смотришь на меня,
Чайка сизокрылая?
Стань—приди любимая
Свет—непогасимая
На душе моей огонь,
Радость несносимая,
Глянь: бело от месяца,
Дым кадит полесица.

Ах, в одной моей груди
Радость не поместится!
Слышу на поляне я
Шепчут травы ранние,
Поцелуйный шорох—звон,
Шелест расцветания.
Выйди ненаглядающая,
Зоренька отрадная,—
Ночь-то, ночь-то какова!
Белая, нарядная.

Светел месяц затемнен
Тучей перебежницей.
Поцелуйный перезвон
В темени мерещится,
Девки, девки, этот звон
Душу ли не радует?
Звон колосьев золотых
Над полями падает.
Ах, звони, звони, набат,
Ночь пока не минула!
Что ты рученьки назад
Томно запрокинула?
Ай ли вспомнила о чем?
Грустно что-ли сталося?
Или в свете заревом
Тайна примечталася?
Брось, не думай, не грусти
Ты, моя единая!
Слышишь в зарослях слышна
Песня лебединая...

Цветет цветень
Трава—плакун.
Ты дай ответ
На шопот лун.
На сердца звон,
На лунный свет
Ах, дай ответ,
Ах, дай ответ!
Лилейный звон
В тумане пал.
Не свет ли лун
Сердца венчал?

Светел месяц полнолик
К западу склоняется,
На серебряной земле
Горе забывается.
Тают шопоты земли,—
Утренниц дыхания.
Песни—смехи полегли
В лунном колебании.
Песню—попымя не спеть,
Снять ли с сердца марево?
Широки просторы зорь,
Золотые зарева.
Зори небо золотят,
Зори разгораются,
Где то лебеди летят,
На лету скликаются,
Ах, развеяй свою печаль,
Ты, незвеста скромница!
Все пройдет, но шопот зорь
Долго будет помниться!..

СУХМЕНЬ.

(Деревянные пачеты).

Задымлились поля в загаре,
Протекает алый зной
Клонит голову мерни карий,
Проходя полевой желтизной.
Распекло. Разомлел. Не дышится,
Тяжело. Жарой утомлен.
Полегла трава-косовица
Погорел пастушный сгон.
Эх, бы дождичек поле полил,
Оживил бы травный сгар!
Желтизной окинуло поле
Опалил пастушню пар.
Призатихло вал-селенье:
Глянешь в поле—сухмень там,
На луг выйдешь—желты растенья,
Все просили
По зорним утрам:

Пророк Илья,
Полей поля,
Полей поля
Вокруг жилья!
Пророк Илья,
Вся была, была
Не в радость нам
Вокруг жилья!
Пророк Илья
Оной, оной
Живой водой
Великий зной!

Пророк Илья,
Полей поля,
Омой водой
Великий зной!

Но еще в полях духовитей.
Голубая тлеет игла
Ах, не хочется из дому выйти, —
Сушь полденную даль разожгла,
От бездождия даль сутуга
Опалило рост-засев
Тише прежнего с росного луга
Вечерами слышся пев.
И старухи шептали в сенях
Близок людям страшный суд —
Старым людям видались виденья;
Предсказанья ли нам соврут?
И ругали девченок шалых
Их винили за все, во всем.
Вдруг при зорях рассветных алых
Прокатился далекий гром.

Гром! Гром!
Приди с дождем,
Гром, гром,
Греми кругом,
Гром, гром,
Тебя мы ждем,
Приди и грянь
Омой дождем!

Гнутся явы, Пыль за лугами
Ходит столбами, дорогу нетет,
Редкими каплями Дождь барабанит,
Ветер хлещет и крыши рвет
Дети бегут по горячей пыли.

Пыль не висит, по земле течет
И сразу игру свою прекратили
Жмутся в прикуты, поют начет.

Дождик, дождик пуше,

Поливай попуше

Обмочи землицу,

Травку косовицу

Поливай, поливай,

Засыхать не давай!

И земля и народ

Отдохнет...

Обмочило прикуты, сарай,

Не вбирает воды земля

Туча черная вдаль проплывает

Новый свет золотит поля,

Занграла радуга в поле

Выше леса и облаков.

Снова дети поют на воле

Об огнях огневых цветов,

Рада-радуга дуга

Не давай дождя,

Давай солнышка

Из околышка!

Рада-радуга дуга

Золоченая,

Ты рассыпся на дуга

На моченую,

Ты рассыпся на дуга

Лента светлорога

Рада радуга дуга

Золота дорога!

З И М А.

Зима. Уже ивы набухли
Над хрупкою коркой прудов;
Напудрились темные букли—
Кусты круглобрых холмов,
Как гагачьим пухом одета,
Местами прольется лазурь
И нарезе дальнего лета
Висит пред угрозами бурь
Полей снеговые полотна
Безбрежные стелятся вдаль
И крышка надвинулась плотно
На реки, где лился хрусталь
Лес в тишь, словно в саван окутан.
В нем немю садясь на сучки
Снежинки мелькают, как будто
Сухие ползут паучки
Здесь колется звонкая стужа,
В немой затаясь тишине,
Лес треском морозным разбужен
Тоскует о дальней весне.

Ив. Жижин.

ПАСТУХ.

И нет мучительнее плена —
Замкнуться в каменных гробах,
Где мертвой силой давят стены
И ржавят душу жуть и страх.
А я, любя простор и волю,
Там, у дубрав, где снь суха,
Избрал себе нную долю,
Одев сермягу пастуха.

Очистив глубь души от гноя,
Я, как на празднике в раю,
Со стадом сусле голубое
Из чаши неба взором пью.

Опущен росных оторочка
Подолы нив каймит, шурша,
И набухает, словно почка,
Ржаной радостью душа.

В дубраве дымная прореха —
Мой дом, как горница светла
И дразнит в древних елях эхо
Кукушку с мишистою ствола.
Как счастлив я, что плен оставил
И душу в зарь полей унес.
А в пустырях бездомной яви
Мне позавидует Христос.

* * *

В долу сверкающем и плоском,
В стеклянный медленный поток
Течет с уклонов желтым воском
Сырой дымящийся песок.

А там кусты в болоте топком,
Вдыхая, ветра влажный вздох,
С резной листвы, в просонье робком.
Кропят огнями ржавый мох.

От луж болотных тянет илом.
И сузостой, где глубь видна,
Бежит по судорожным жилам
До голубеющего дня.

ГРОЗА ПО ЗАРЕ.

Огневой лучиной занозила
Хмурый лик седая вышина,
Покачнулись горные стропила,
Озарилась глубь вод до дна.
И полей заоблачных пшеница
Потекла с грохочущих телег.
Но щедра небесная кошница
И безмерно алчен человек.

НА ОСТРОВАХ.

Вечерней мглой легко вздыхая,
Качает море слитки льдин
И дышет в воду высь сухая
Корою кованных глубин.

А там, за парком, в зданиях темных,
Где в окнах гаснет призрак дня,
Как бы слились в зрачках огромных
Набат стихий и кровь огня.

И мы идём. За нами, где-то,
На льды стальные бьёт прибой
И окна сплавом струи и света
Волнуют воздух голубой.

Твой взор резьбой огней олушен,
Но слух бывшего ловит зов,
И разговор тебе мой скучен,
Как шелот моря и шагов.

Смотрю, как топлишь тень печали
В прозрачной долоде лица,
Когда ресницы вскольз упали
В луч обручального кольца.

Да, и тебя коснулось жало
Тоски в неведомых полях
И оттого близка ты стала
Сегодня мне на островах.

ТОСКА О ГОЛУБЯХ

Иду ль в леса упиться певчим тором
К озерам—законом солнечных зыбей
И все смотрю, ищу пытливым взором
Скирейномудрых, сизых голубей.

Припоминаю двор и людный рынок,
И голубиный слет, когда в тоске
Я им завидывал, суровый нрок,
Ютясь один на пыльном чердаке.

И пел, смотря на них чужие васы,
Далекий сам от счастья и удач.
Душе моей от детских дней несносны
Ворона, воробей, сорока, грач.

В голубке каждой—девушка восталка.
На смену им земля умножит змей.
О, люди, люди, разве вам не жалко
Доверчивых влюбленных голубей?

* * *

Смертный грех, несчастное былое
Унесла ты в прах небытия.
Над твоим покоем невод зноя
Тянет тихо Фебова ладья.
Возникает, тает запах травий.
Золотеет рыхлой глины дрожь.
На сухих дорожках бурый гравий
Шелестит, когда по ним идешь,
И узлы корней стянули туго
Вкруг горба нагого по песку
Твоего любовника и друга
О тебе вечернюю тоску.
С распростертых рук крастов сосновых
Янтарями капает смола.
Но не выплакать им тайн суровых,
Что с собой ты в вечность унесла.
Молчалив и друг твой неизменный—
Древний клен с утра и до утра...
Мир тебе, омывшей облик тленный
В пламени вселенского костра!

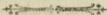
В ГОЛОДНЫЙ ГОД.

Сушеной рожью, медом, мятой
С за вечеревших тянет гумен.
Поник в дыму овин пузатый,
Как после трапезы игумен:

..... в кошницу зерна,
Он прочь лихое горе гонит
И сладкий дым волной узорной
В червонной пене леса тонет.

А там, где огненные губы
Бесстрастно меркнувшего неба
Целуют ржавленные трубы,
Несутся стоны: хлеба, хлеба!

Но даль мертва, глухи уклоны
В просторах каменно-молчащих
И безответно тонут стоны,
Зловещим эхом в темных чащах.

• • •

Бескрайны прясла красных пашен.
Багряный в горнах жар бурлит.
Победный звон незримых башен
Стихийно с кровью солнца слит.

Тяжелый молот в грудь Европы,
Как в наковальню мощно бьет,
Мосты железные и тропы
Народ проводит и кует.

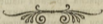
На страх насильникам и гадам
И бессердечным палачам
Русь станет красным вертоградом,
Для тех, кто плакал по ночам.

Еще томится мир в перигах,
Но скоро смолкнет гуд траншей
И знойный воздух в наших ригах
Сытной запахнет медом ржей,

Расправит вольный пахарь плечи —
И всколосится гладь пустынь;
Рабочих ульев трубы — свечи
Кудрями дыма взвихрят синь.

Уж грязно высятся стропила
Вселенской кузницы труда,
Идите к нам, в ком зреет сила
И воля к творчеству тверда!

НОЧНОЕ.

— Теперь ты мой, — диникнул чорт за печкой.
— Да, да, он твой, — качнулся ирак в углу.
В печурке уголь вспыхнул синей свечкой
И фыркнул кот сердито на полу.

Лес за окном прозвонил дальней тройкой.
В залежье месяц лужами протек
И череп чорта, как седой опейкой,
Молочно-синей мутью обволох.

Клыками щелкнул черный, бельма пуча,
Весь скрючился, запутавшись в хвосте
И вдруг к стене приник, как пепла куча
И замер в распыленной маете.

Не раз я скользким змеем извивался
В кривых когтях захохочущей судьбы.
Боролся, падал, снова поднимался
И падал вновь, не выдержав борьбы.

Пять быстрых лет--пять мигов малой стрелки.
Пять возгласов кукушки в сосняке,
Пять молниенных скачков премудрой белки,
Пять вспышек света в дальнем маяке,—

Скитались с другом мы по всем оврагам,
Где было много горестных потерь.
Считал себя я гением и магом
И к Вечности стучал в глухую дверь.

Я думал: ужас быть безликой тенью,
Не бросил тени собственной в века,
Но косной силой нас всегда к паденью
Влечет страстей бурливая река.

Стучал. Кричал. Но вор несытый—Время
И Лихо—Одноглазое—судьба
Незримый ржавый гвоздь мне вбили в темноту
И прочертили глубже складки лба.

Порою явь, похожая на сказку,
На сон, на пытку с тьмою черных зол,
С моей души срывала властно маску
И я в угар растленных будней шел.

Мне пустоты был ужас не понятен,—
Оплел меня ее проклятый плен
И дни текли, как рой бесцветных пятен
Средь горьких пьяниц, женщин и измен.

Но вот однажды в темные дубравы
Направил я неверные шаги:
В туманных долах вечерели травы,
Дыша в лицо мне тлением, как враги.

Возник вопрос в сознании угаслом:
—А гдеж мой друг?.. „Но был безмолвен мрак,
За облачным, сквозным белесым пряслом,
Блестел слезой холодной Зодиак.

—Куда идти?..“ В душе сомненье злое.
Вдали гудит и стонет смутно бор.
—Нет, не уйти из мертвого покоя
Мне никогда на солнечный простор!

Утратив веру в Дьявола и Бога
И призрак смерти с жизнью слив в одно,
Я не могу размеренно и строго
Пить бытия пьянящее вино.

До дна земные омуты порока
Познал, едва достигнув полпути.
И может быть я так упал глубоко,
Что дальше мне уж некуда идти.

Я спутал все — пути и перепутья.
В толпе, где каждый зверь и человек,
Тонит меня тоска зловещей жутью
И зелень зла в оправе пухлых век.

Распалась жизнь на явь и сновиденья, —
Та двойственность отчаяньем полна.
Вот отчего я в снах ищу забвенья
Вот почему влюблен я в символ сна.

Прочтя такую горестную повесть,
Мечтатель юный скажет: „хворый бред“.
Нет! В муках потревоженная совесть
На суд выносит быль сожженных лет.

Не жег мне сердца змель очарований,
Я материнских ласк, как ты, не знал.
Огонь нечеловеческих страданий
Несу в душе, как в глубине зеркал.

II.

Сквозь полусон я чую: подземелье,
Сырые плиты, мрак, соломы сноп,
И, как бы после горького похмелья,
Горит мой раскаленный болью лоб.

И с пола встав, задумался глубоко:
— Зачем я заключен сюда в тюрьму?
Вдали окно, как злее сычье око
Сосало свет, лучащийся во тьму.

Я не встречал мучительнее плена.
Мелькнула мысль: бежать, бежать скорей!
И стал кругом я шарить пол и стены,
Но ужас.. в склепе не было дверей.

Взглянул в окно: пустынный двор и солнце,
Недалеке стоят с ружьем солдат.
Бежать, бежать.. Но как пролезть в оконце?
Попробовал. Лаз—течио маловат.

Но тут случилось как бы превращенье:
Заметил я, что круглый верх окна
Забит доской.. И вот—одно движенье—
И вот доска. Свобода найдена.

Но как бежать? Вдруг часовой заметит?
Удобней для побега час ночной.
Теперь же полдень. Солнце ярко светит
И небо дышет звонкой глубиной.

Налево вдаль вилась тропа по скалам,
Между болотом гиблым и водой.
Болото окаймлялось грозным валом,
А в море золотой звенел прибой.

И ликом Фоб, как огненным кадилом
Купался в сплаве неба и воды
И по пустыне водной, как по жилам,
Текли, дрожа, червонные следы.

Я побежал. И был мой бег проворен.
Но вдруг раздался выстрел—и за ним
Весь вал, тревоге сделавшись покорен,
Затархтел, одевшись в белый дым.

Я мчался вдаль. Свистели ядра, пули;
Метался крик: Держи его! Держи!..
А я летел проворнее косуля,
И были остры камни, как ножи.

Потом все смолкло: треск, погоня, крики,
Передо мной; обрыв, змея реки...
И волны в ней, как тигры—алы и дики,
Крутили буйно красные пески.

И моста нет. Лишь грозно ледорезы,
Да поперек гиганты—жернова
Торчали там, как башни из железа.
При взгляде вниз кружилась голова.

А на песках, смотрю, толпятся люди.
Не знаю кто: враги или друзья.
Зовут, Кричат. Но крик их тонет в гуде.
И вот с обрыва к ним срываюсь я.

День вечереет. Звон многоголосный
Блуждает в море, в небе, вдалеке.
Садится солнце. Вспыхнул безвопросный
За молот факеп в мертвом маяке,

И начал запад, точно от пожарниц,
Краснеть, как медь. Я к людям подошел.
— Мы беглецы... Скажи, кто ты, товарищ?
— И я беглец.

— Ты как сюда забрел?

— Не все-ль равно. Разделим участь вместе.
А это, что, скажите за река?

— Не спрашивай. Не радостные вести
Таит ответ. Убьет тебя тоска.

— Ха, ха!.. Убьет... Я в смерти вижу отдых.
Я так измучен жизнью и борьбой,
Что ненавистным стал мне даже воздух
И этот вольный ветер голубой.

— Ну, если так, изволь: есть в мире ретки
В них не вода, а пот и кровь бурлит.
Там много славных спать легло навеки
В объ'ятиях холодных Нереид.

А за рекой живет народа благо—
Жар-Птица. Да.. Но видишь жернова..
Плыви и к ним тебя притянет влага,
И для тебя померкнет синева.

Еще никто из смертных в рабьих странах
Тех берегов желанных не достиг,
Чтоб увидеть в серебряных туманах
Возлюбленную солнца зоть на миг...

И он умолк. А я занес уж ногу
На жернова и слышу за собой:
— Безумец, проч! Молитесь, братья, Богу!
Погибнуть суждено ему судьбой.

Меня влекла таинственная сила,
И вот я отделился от земли.
Река свирепей кровью забурлила
И волны труп за трупом вдаль несли.

И жернова по-зверьи жрали мясо
Распухших тел, и хруст сырых костей
Ужасней становился час от часа,
Как на пиру вампиров и смертей.

Но чужакой страха, я еще упорней,
Скользя, забирался вверх на жернова.
Последний жернов схож был с колокольной
По высоте. Вершины я едва

Достиг, он оказался половиной.
Был недоступен берег, и далек;
И я повис меж небом и пучиной
С своей тоской безмерной одинокой.

— Не все-ль равно, — я думал, — жизнь —
игрушка...

Итти назад? Куда? Не все-ль равно...
И вот я в бездну ринулся с верхушки,
Что-б глубже ласть на мертвенное дно.
И замер дух. В глазах все помутилось.
Я, вадая, описывал дугу.
Когда-ж ко мне сознание возвратилось,
Я был на безымянном берегу.

Леонид Зефиров.

* * *

Я все молчал, молчал упорно,
Вонзив глаза свои туда,
Где пламя дышащего горна
Как озаренная вода.

Свидетель ярых беззаконий
И поругания святых,
Я говорю: седлайте коней
И едем в солнечную синь.

Здесь душу я свою развеял
И в поле, полном тишины,
Летящим семенем посеял
Отравы горькой белены.

1916 г.

* * *

До осенних дней туманных,
Грустных песен, причитаний
Мы цветов благоуханных
Теплим радость раскрываной.

Мы хотим дышать простором
Стороны необычайной,
Где за каждым косогором
Веет радостною тайной.

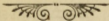
Мы не скажем: мы устали,
Но, когда растет забота,
Кинем мы в родные дали
Слово громкое: работа.

Пески, овраг и белая ограда
 За ней кресты, часовенки, помой
 Брожу один. Кровавая помлада
 В лазури гаснет темно-голубой.

И свет ее хрустальный и сквозной
 Мерцает нежно. Сумерки, прохлада,
 Уж вьет предвечерней тишиной,
 И в воздухе дыханье листопада.

Деревья здесь печальней и тусклей
 Помынула одеждой золотистой.
 Узор осин горит, как жар углей,
 В небесной выси, мертвенной и чистой.

И тонких тополей задумчивые жерди
 Недвижно дремлют в молчаливой тверди.

В САДУ.

Струится свет в узор дрожащей ткани
На высоте мерцают звезды Пса,
Внизу, как привидение, в тумане
Огромный тополь, выросший в небеса.

Поет фонтан. На розовой террасе
Холодная стеклянная роса.
И ночь давно. Жужжит в траве оса,
И все светлей высот небесных грани.

Весь в зарослях холодный дремлет пруд
И в зелени его притихшей и печальной
Кувшинки белые задумчиво цветут,
Грустя о юности первоначальной.

Грустят окуации, что свой наряд венчальный
Давно осыпали и снова не вернуть

Дочь города.

Дочь великого города я
Мне неведом простор полевой;
Колыбельная песня моя—
Опьяняющий шум городской.

Я тревожно люблю города,
Их победную власть и позор,
Пустота деревень мне чужда,
И небесный не радует взор.

Я—горячей дитя мостовой,
Знойным летом она меня ждет,
Обнаженной лишь ступишь ногой,
Жаркой лаской тотчас обожжет.

Ветер города—скованный раб,
Укрощенный и злобный орел,
Он с тех пор присмирел и ослаб,
Как из вольных просторов ушел.

Но порою он вспомнит, что был
Беспощадным и грозным царем,
И из всех исчезающих сил
Ударяет о стены крылом.

Я—великого города дочь,
Но безжалостен мрачный отец,
Городская мучительна ночь,
Стережет меня страшный конец.

Дети города! Нам суждено
Чашу ужаса разом испить.
Ну так что-ж! Все равно, все равно!
Будем город великий любить.

ОСЕНЬ.

Осень в красном сарафане,
Тихая молодка,
Ты в лесу и на поляне
Выступаешь кротко.

Утром свежим и холодным
Поднимаясь рано,
Расстилаешь ты полотна
Легкого тумана,

Темной ночью причитаешь.
Скорбно хмуришь брови,
Вся исчахля, как невестка
От дикой свекрови,

ЛИСТЬЯ.

Мы целое лето смеялись
И с радостным солнцем играли,
А нынче покоя дождались —
В родимую землю упали.

Нас целое лето сжигали
Полудня лучи золотые,
Нам тихие сны навевали
Певучие птицы ночные

Теперь мы сгорели, сгорели
За то, что так радостно жили
За то, что, шумя зеленели
И вечное солнце любили.

Затканы тиной затоны.
Золот кувшинок наряд.
Бархатно-мягкие звоны
В небо тропинку торят.

Падает с синего свода
Птичьих мелодий капель.
Крепче душистого меда
Ветра безвучного хмель.

Заросли острой осоки
Стрел изумрудных нежней
Бродят могучие соки
В жилах цветочных корней.

Сила весенняя щедро
Хлынула в листья, стебли.
Темные, теплые ведра,
Властные недра земли!

Нет, не в монашеской келье
Мне погасать без любви!
С раннего детства запели
Света колосья в крови.

С раннего детства, как нива,
Солнце текучее пью
Травные славлю разливы,
С ветром емось и пою.

Жизнь многозвучным потоком
Хлынула в юную грудь,
В вешних просторах широко
Лег ульвающий путь.

Землю ласкаю шагами,
Воздух ласкает меня.
Золотом выткано знамя
Незаходимого дня!

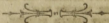
* * *

Вот он, вселенский труд,
Пламенной власти полный!
Всему скользят поют
Новых движений волны.

Новая близость дум
Зреет в огне работы
Наш коллективный ум
Все покорил высоты.

Сходит в глубины вод,
В новых лесах струится.
Чашу любви несет
Даже цветку и птице.

Воли вино течет
Там где струились тени.
Паднет алмазный пот
Свежестью рос весенних.

Яков Коробов.

МОЛОДИЦА.

Кровь-не ягода, малина

И душиста и спела..

У калины во долине

Молодица родила

Ягод полное лукошко

Откатилось к ручейку,

Алым бархатом дорожка

Протянулась по песку.

Ох, да ах, а дело к ночи...

Потеряла даром день ..

Загорелись Божьи очи.

На дубраву пала тень.

Заграничный полушалок,

Не задумалась, сняла

И на пище обомшлом

Хмелем сына повила.

По дубраве тени бродят,

Слой за слоем стелет мгла,

Хоровод русалки водят,

Смотрит леший из душла.

Чур нас, чур нас, место свято,

Стонет бор над головой,

В мочажинке пахнет мятой,

Ноги спутал зверобой.

Побежала, что есть мочи,

Да споткнулась у бугра:

— Не лежать же среди ночи

В темном лесе до утра..

Донесла под сарафаном,

У точеного моста

С новоявленным Иваном

Постучалась в ворота.

Дн. Костромской.

О, Русь!.. Давно ль в безлюдьи диком
Ты знала сны лишь тишины,
Чтоб кто-нибудь весенним криком
Нам путь открыл в страну весны?..
Хотела песен буйной воли
И молний ишенья—ярких стрел...
О, тот поймет, в плену неволи,
Кто наши слезы подсмотрел!..
И вот от громевых раскатов
Воскресла мертвая земля...
И ты приемлешь всех, как братьев
В свои об'ятня поля...
—Ни злиява, ни иудея!
Земля поет весне канон...
И вновь бессмертная идея
Сняет заревом знамен...
И души смелые, как прежде
Себя на жертву обрекли
За тех, кто с солнечной надеждой
Победу празднует земли...
Кто верит жертвам искупленья,—
Чьи трупы всеи наших грез,
Что нас к эгоде возрожденья
Ведут от педночи и слез...
О, Русь!.. В востаньи многоликом
Ты гяки ликующей весны!..
Привет вам, кто весенним криком
Рассеял сумрачные сны!..

Мих. Артамонову.

...Уйду в луга поенные,
Завиэрю хоровод...
Тропою потаенною,
Невидимой тропой,
С котомкой за спиной,—
Уйду в деревни темные—
С сияньем вещих звезд...
И песней затаенною,
Как—солнцем озарю
Деревни—кельи строгие,
Как избы их—убогие,—
Затеплюсь и—сгорю!

К ЖИЗНИ.

Я люблю тебя, как любят влатоканые зарницы
Трепеталье алых молний, черный сумрак облаков,
Как широкое раздолье любят хищные орлицы,
Как глубины океана блеск коралловых цветов.

Я люблю тебя, как песню любят жавороны
Звеня

Как улыбку первоцвета золотой весенний дуб
Как в равнине дуб могучий лунных тоней абр
тонки

Как слепые ураганы переломы горных круч...

Я люблю тебя, как любит звезды месяц серебристы
Как прибрежные утесы маумрудная волна.

Я люблю тебя всем сердцем, смелым сердцем камн
нист

Как любили только боги в золотые времена.

О, порки былии цепи, позабуди бывшего бога;
И весму, что было прежде, брось холоди
прости

Мы идем навстречу солнцу, к его светло
чертогу,

Мы найдем с тобой иные сказачные пути.

По всему пространству мира тают вечные туманы
Под дыханьем новой правды, новой радостной весн
Основанья древних тронов расшатал ураганы,
И, как свет зари вечерней, их мгновенья сочтен

Мы на века начертали на скрижалях Нов
Вер

..Да горят серая, как пламя наших солнечны
знамен

Пусть трепещут в жалком страхе, причесь свет
лицедеи

Путь наш верный и великий и века пророчесет о

Милый друг мой. Дай мне руку, погаси свои сомненья.
Мы у врат иного мира и назад возврата нет
Все проходит в мире дольном, тухит все река
забвенья.—
Но ворхвов благородных не закатит вечный свет.

Так войдем-же в круг горящий, где сияет пол-
день вечный,
Вознесем свои надежды, как вечернюю звезду.
И погибнем, если нужно, чтобы жила безконечно,
Что родилось в мир в великом воссезидатом
году.

Дымкою летучею
Реет ночи тень,
За далекой кручею
Скрылся ясный день.

Даль лугов безбрежная
Мглою заткана.
В синем небе нежная
Тихая луна.

Тишью зачарованный,
Влажен, свеж и чист,
Воздух словно скованный,
Не шелухнет лист.

Речки гладь спокойная
Не рябит волной...
В мыслях грезы стройные
И в груди—покой.

ПАВШИМ БОРЦАМ.

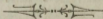
(Памяти тов. П. С. Батурина).

Вечная память Вам, тихо почившие
В пору ненастного дня!
Вечная память Вам всем, положившие
Душу за други своя.

Вы не затмили в годину великую —
Зоркость орлиных очей, —
Вы, победили тьму нашу дикую,
Силою веры своей!

Время идет по путям бесконечности;
Многое в мире пройдет...
Вы ж приобщены к бессмертью и вечности, —
Память о вас не умрет.

В вихре-ли бурном грозы разруши-
тельной,
В пору-ли мирную лет —
Мир не забудет великий, спасительный
Ваш лучезарный завет.

НА СЛАВНОМ ПОСТУ.

Я у природы как дежурный
За всем слежу, на все смотрю,
Люблю я дня покров лазурный,
На нем вечернюю зарю.

Моя дежурка—мир громадный
Ее величье я люблю!
И только смерти беспощадной
Свой пост любимый уступлю..

Нелегальный.

Как тать в ноши, поднявши ворот,
Крадусь я городом родным,
А ведь недавно этот город
Меня любил, считал своим..
Родная, милая сторонка,
Пришел семью я увидеть!
Хоть услышать бы плач ребенка!
Хоть колыбель бы покачать!
И как нибудь до наступленья
Дня жизни шумной, городской
Еще одно я преступленье
Свершу: увижуся с семьей..
Посты мне в городе знакомы.

Я обойду их, прячась в тьму,
С тряпья холодного, с соломы
Семью родную подниму.
А схватят,.. Тяжкая дорога...
Этап... дорога на гроши...
И я до милого порога
Иду, крадусь, как тать в ночи.

НА ГИБЛОМ СЕВЕРЕ.

Чернолесье пожелтело,
Красный лес, как был—стоит;
Вдаль уверенно и смело
Птица стаями летит.

На свободе без оглядки
Можно ей и мчать и петь.
Ну, а мне в моей крылатке
Далеко не улететь!..

ЛЕТОМ.

Пахнет сеном белоусом;
Чуть листву колеблет ветер;
Овод мычется с укусом;
Коромысло мчит без ведер.

О коровки божьей ясли
Расцвели цветами пышно,
Но о божьем молоке, масле
Ничего пока не слышно.

Шум в коннунс-муравьище...
Нте же смотрят шпик и пристав!
Гут, крамола есть пещище,
Нем у нас социалистов.

МОЛОДЕЖЬ.

Праздник. Сон послеобеденный
Обошел село кругом:
Спят отцы. День вешний, ведренный
Не осилил деток сном:

На овраге, в загуменнике,
В старых ивах на ключе
Слышны песенки гармоники,
Парни, девки в кумаче...

Много страсти, много удали
В их гуляньи разлито...
Хорошо ли это, худо ли?—
Не справляется никто...

Смерть ткача.

Всю жизнь он ткал, славал миткаль
Его обмеривали в штуке...
В его лице жила печаль
Большой, невысказанной муки...
Он умер: смешик загрустил,
Его, учтя своих дней силу,
И с влячек смену пропустил,
Отнес товарища в могилу.
Ткача несли на миткале,
В гробу лежал он бледный, тощий,
И на пути к сырой земле
Не тяготились смертной ношей.
Но и на этот раз миткаль
Он растянул, пример дал штуке,
А взял с собою он печаль
Большой невысказанной муки.

ГУСЛЯР.

I.

Я иду среди родимых селений
В зорьнем блеске зажженного дня;
Много в сердце воскресших стремлений,
Много в сердце живого огня...

Я ушел от железных строений
От мятежных, житейских сует
Валый шопот цветных озарений
В незабудковой, синий рассвет...

II.

Я играю, играю, играю
Я восходной надежде молюсь
И мечтой далеко улетаю.
О, великая, Красная Русь!

Я в полях твоих солнечных волн,
Я молюсь твоей новой заре
В красном звоне родных колоколен
На ромашковой белой горе...

III.

Хорошо на лугу вешним утром
Посмотреть в золотистую даль,
Когда гусли звенят перламутром,
Когда жизни прошедшей не жаль

Когда гуслим торжественным вторя
Подлевает пернатый мне хор
И звенящая лесня гуторя
Улетит в зыбь цветочных озер...

IV.

Я играю воспринувшая хатом,
Я немеркнушим веснам вою;
Для того, кто мне сделался братом
Я поведаю радость свою...

V.

Сяду я на цветистой лужайке
Разожгу свой звенящий огонь;
Соберутся ко мне молодайки,
Пареньки позабудут гармонию

Од, любимые звука польются —
Замолчат, призапихнут леса
Хороводы девичьи завьются...
Зазвенят, запоют голоса...

VI.

И не надо мне радости краше —
Вишь играть бы и вечно играть
И с фиалки — задумчивой, чаши
Белым утром росу собирать

И идти по росистой поляне
К звонким окнам родных деревень,
Отдыхать на высоком кургане
В золотистый, лякующий день...

КОСЬБА.

Вжик—вжик—вжик—вжик—

Наточил косу мужик.

Раза два махнул косой.

Срезал травку полесой.

Лихо косят мужики

По загону у реки.

Косы блещут и свистят,

Травы замертво лежат.

Засучили рукава,

Чаще падает трава.

На руках мозоли—крясь.

Наточили косы вновь.

— Стоп, ребята, погодим,

Посидим да покурим,

Эх, махорочка крепка.

Поласкала мужика.

Побалакали ладком,

Затянулись табачком.

— Ну, ребята, пора косить.

Будя, паре, говорить.

Косы острые свистят,

Травы сочные лежат.

Снова косят мужики

По загону у реки.

ВЕЧНОЕ.

Вчера, когда под вечер скучный
Ушел куда-то светлый день—
Ко мне с тоскою неразлучной
Вошла тихонько в сердце лень.

И стало все чужим и дальним,
И жизни нить я потерял.
И в тишине уснувшей спальни
Я одиноко задремал.

Но утром, в золоте и блеске
Вдруг вспыхнул солнечный костер.
И вдруг я смех услышал детский
И звонкий женский разговор

И я пошел с улыбкой ясной
На встречу трепетного дня
И жизнь загадочно и страстно
Опять встревожила меня .

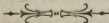
Снова запели мятели...
В окнах неровный свет
Вижу следы на панели
Свежий, недавний след.

Кружится снег... Туманно
Кончился зимний день
Варуг впереди неожиданно
Выросла черная тень.

Молча мы шли с ней рядом,
Взоры вперив вперед.
Часто менялися взглядом,
Вышли на поворот.

Ровный, спокойный и близкий,
Свет засиял в окне.
Слышал я голос низкий:
— Милый зайдем ко мне..

Сердце вдруг сжалось болью,
Вкралась в душу печаль.
Не дал я воли безволю,
Скрывшись в темную даль.

* * *

Я послан в мир, чтобы сказать,
Что неба праздничная риза,
Леса, холмы и дуга гладь—
Великолепней Парадиза,

Я в этот мир несу канон
Ласкательных и сладких песен,
Чтоб этот мир узнал, что он
Неизглаголанно прелестен,

Чтоб человек, блажен и свят,
Дышал дыханием свободы
И, украшая жизни сад,
Молнлся красоте природы.

Я полюбил лицо земли,
Подобной радостному раю,
Живу и на поля моя
Я милость мира призываю.

* * *

В этом мире прелестном и милком,
Где кадят луговые цветы,
Теплюсь скрытым невидимым пылом
Пред иконой земной красоты.

Тайно теплюсь, незримо сгораю,
Жадой подвигов светлых томлюсь
И к какому то дальнему краю
Всею душой постоянно стремлюсь.

О, когда-бы прежить не задаром!
Засиять-бы светлей и теплей
Скрытым пламенем, внутренним жаром
Пред иконой небес и полей!

* * *

Восторгайтесь друг другом, хвалите друг
друга!

Вы прелестней цветов полевых.
Обольстительны лилии влажного луга,—
Вы стократ обольстительней их.

Поклоняйтесь друг другу с молитвой сер-
дечной,—

Ваше тело святыня святынь,
Ваши души священны, как ликтрехвенечный,
Вознесенный в небесную синь.

Удивляйтесь друг другу, как дивному диву,
Восхищайтесь друг другом светло!
Дайте волю восторгу и крылья порыву,
Чтобы небо на землю сошло.

* * *

В ушах—неземная весть,
В устах—золотые глаголы.
Мы призваны небо свесть
На наши земные доли,
Как частый ветвистый лес,
Мы руки свои поднимем,
Достанем до самых небес
И солнце в ладони примем.

В ушах золотая весть,
Уста—с благовестным глаголом.
Лазурному раю цвезть
У прясел на камне голом.
Он близок, небесный сад,
К ладоням солнцеприимным
И сладкое слово „брат“
Звучит благодатным гимном.

* * *

Изгородь. Гербатое гумище.
Облака да пашен рваный плат.
Лес грустит о лютиках и солнце,
На меже былинки шелестят.

Вот и все. Но сердцу много значит
Этот сумрак, пашни и кусты
И душа обрадованно плачет
От непышной этой красоты.

Потому-ль, что небеса туманны,
Или жаль родимых мне седин,
Иль с того, что май благоуханный
Я опять приветствую один?

Не пойму. Но мне всего дороже
Хмурой елки встрепанный шатер,
Тишина пустынных придорожий,
Облака да ветряный простор.

* * *

Навозница... Ярок и золот
Душистый тяжелый помет.
В хлеве—и распаренный солод,
И липкое сусло, и мед.

Телега—ржаная краюга—
Увязла в медовый раствор
И ладоном крепкого духа
Насыщен расхлябанный двор.

Навоз раззолоченным платом
Телегу и хлев задавил,
Сусальным обсосанным златом
Он виснет с заржавленных вил.

Взгляни на сокровища кала—
И двор уж не двор, а дворец,
Солома парчей засверкала,
А хлев—драгоценный лагерь.

Мы грабим разломанный ларчик,
Кидая в телегу навоз
И мерину с кличкою „Карчик“
Не сила вытягивать воз.

Звенит и кусается овоз,
Свистит и кусается кнут,
Напрягся над гривною повод,
А путь пропылившийся крут.

—Скорее—бы, фыркает Карчик,—
Испить, пожевать отдохнуть!—
А солнце все ярче и жарче,
Все гуще дремотная муть.

Мы в поле сокровищ надозим,
Схороним под взрыхленный пласт,—
За эти сокровища озимь
Нам золото колоса даст.

МЕРИН

Уткнулся мордою в ясли,
Свивается с гривой трава,
Хвостом запутался в прясле
Расхлябанного хлева.

Грохочет в утробе пойла...
В оконце—зарная зга...
И тянет его из стойла
В хмящиеся луга.

Там росы душисты, как миро,
Там травы ярче парчи,
А здесь вонюче и сыро
От желтой едкой мочи.

Музителин, труден и беден
Его лошадиный век!..
Беззуб. Слепнями из'еден.
Неверен разбитый баг.

Скакал сосуном за маткой,
Влачил жеребенком плуг
И все мерещилась сладко
Краса пышногривых подруг.

Она его волновала,
Кидала в ярую дрожь,
Но все погасил коновала
Отточенный верный нож.

О, много он вынес маят!
Седелкой вытерт хребат,
На все копыта хромает,
А сердце тоска скребет.

Его ломало телегой,
Давило ярмом хомута
И, жалясь, над шерстью пегой
Свиснула змея кнута.

О, грубые окрики:— „Кляча!“
О, яростный визг ремня,
Когда от горького плача
Дрожит все сердце коня!

Болят и ноют на шкуре
Подтеки и синяки,
В-луга-бы ему, к лазури
Задумавшейся реки!

На травах медовых настоян
Вечерний мокрый туман,
Загадочен и спокоен
И лес, и каждый курган.

Брести-бы тихонько за стадом
В поля, к зеленым, в теплынь
И там, за мужичьим усадом,
Щипать-бы с межи полынь.

Плестись-бы рысцой нетвердой
По берегу тусклых вод!...—
И с поднятой кверху мордой
Он тихо и жалобно ржет.

И снова глядит он в ясли,
Понурую шею клоня,
В навозной жиже увязли
Дрожащие ноги коня.

Склоняюсь над зыбкою скрипучей,
Как в ветер над омутом лоза.
Слезой капучей да кипучей
Мои застывают глаза.

Глуха, тяжела рука у тяти,—
Крутой да немилостивый он!..
Не спится болезнному дитяти,
Нейдет к колыбели угон.

Он плачет надрывисто и шибко.
Усни, мое чадо, не вопи!
Ой, зыбка, мучительница-зыбка,
Я возле тебя, как на цепи.

Корила родня меня намедни
Воротами в черном дегти.
Ко Спасовой заутрени-обедне
Мне совестно улицей пройти.

Пойду я дремой да медуницей,
В бездонном затоне утону
И выплыву бледной водяницей
Под месяц на сонную волну.

ГАРМОНИКА.

Незабудка, ландыш на-поле,
Краше девичий наряд:
С шеи бусинки закапали,
Губки заревом горят.

Тонкий шарф, как пена клубится,
Завитые волоса...

Взглянешь, — всякая полюбится,
Что ни девушка — краса!

По селу звенит гармоника,
Гармонист поет — орет:
Даже дед столетний с конька
Слез и выполз на народ!

Парни ходят и бахвалятся,
Липнут к девкам. Каждый — франт:
Картузы с затылков валятся,
На груди трепещет бант.

Девки быстрым глазом косятся, —
Мрут сердца у молодых:
— Кабы ястребом наброситься,
Впитаться в ротик-бы пунцов!.

Месяц встал над луговниками,
Задымилась роса,
За лобастыми овнами
Притаиллся леса.

Пахнет медом, пахнет мятой.
В небе много тихих свеч.
Над сырой травой примятой
Слышишь ласковую речь?

Видишь—с милыми голубится,
Низко клонятся в цветы?
Кружева, как пена, клубятся,
Косы лентами свиты.

Сладко парню с ярой ласкою
У росистого куста
Целовать девченку-ласточку
В земляничные уста.

* * *

Роняя скользкие иголки,
Косматой вьюгой обуян,
Кораблик придорожной елки
Плывет в сугробный океан.

На мачте тоненькой и стройной
Мерещится зеленый флаг
И расплескался парус хвойный
В седую муть, мятель и мрак.

Дрожит смолистая оснастка
Игольчатого корабля...
О, снег! О, северная сказка!
О, скудная моя земля!

* * *

Летят, поскрипывая, сани,
Поеживается ездох...
Катят на розвальнях крестьяне
В голубоглавый городок.

Не стая-ли судов крылатых
Выносятся из-за холма?
На выбоинах и раскатах
Поматывается корма.

Как парус, накрепилось хряво
Нахлестки острое крыло,
Трясется спутанная грива,
И взмахивает кнут-весло.

В проветренных худых халатах,
Как сказочные моряки,
На кораблях своих крылатых
Посиживают мужики.

Крепчает ветерок полутный,
Дорога снежная киянт
И быстро ловит в пене мутной
Касанья кованых копыт.

Скрипят тугой чересседельник
Да звякает кольцом дуга
И синий отшатнулся ельник
За полевые берега.

* * *

Целый день в снегу журчали
Говорливые ручьи,
А над гнездами кричали
Хлопотливые грачи.
А когда на город сонный
Голубой упал покров,
Перепутывались звоны
Хоровых колоколов.
Сладко знать, что всюду тает,
Что разбиты латы льда
И что верба расцветает
Возле синего пруда,
На ланитах—дуновенье
Отуманенной весны,
А в душе—благословенье
И рябчаськие сны.

Потоплю глаза свои в лазури.
Мир хорош. Душа весны сия.
Русые свои ресницы жмуря,
Солнце загляделось на меня.

Солнце щедро. Мир богат весельем.
Нищие—весною богачи.
На березе виснут ожерельем
Черные пузатые грачи.

Кто-то ветер на землю свезает
Голубым трепещущим крылом,
Песней душу с радостью свивает
И внушает выпранный псалом.

Я Р М А Р К А.

Солнце ярко. Небо синее.
Балаганы, лица, зной.
Бахрома на парусине
Карусели расписной.

Пыльны вывески и кровли,
В лавках—приники, ситца,
Хрип шарманки, гул торговли,
Завыванья павца.

День весенний зноен, долог.
Солнце чертит синий полог.
Жарко блещут карусели позолотой, мишурой
А кругом—кольцо прохожих и мальчишек
шумный рой.

На коней точеных сели,
Завертелись карусели,
Звон бубна, стон гармоник, золотится ба-
рома
Мчусь, лечу, несутся вихрем лица, улица,
дома.

Там, у крытого прилавка,
Где нестройный говор, давка,
Где быстрее людской поток,—
Заалелся твой платок.

Будет радость нежной встречи,
Смех, доверчивые речи,
Васильки твоих очей
Зацветут еще ярчей.

Солнце жгуче. Небо сине.
Балаганы, камни, зной,
Ряд заплат на парусине
Карусели вырезной.

Швейки.

... Маруся отдалась,
Вернувшись с работы до-
мой*
Уличная песенка.

Все шьют из батиста из ситца
С утра и до вечера швейки.
Как бледны их тонкие лица!
Как хрупки их тонкие шейки!
Поют о подружке Марусе,
И столько в их песенке грусти!
И рук их прозрачные кисти
Запутались в мягкой батисте.

Без усталости шейте и пойте,
Всю душу отдайте работе.
Невзгода, забота и труд
Ваш тонкий румянец сотрут.

Все шьют из батиста, из ситца —
Работают день изо дня,
Усталые лица склоня
И столько им за-день приснятся!

Им снятся о принце. Он бледен,
А станом прямее свечи.
Ресницы дрожат, как лучи,
А взор и вилуч и победен.

Вздыхают о счастье, о воле,
Склонясь над кусками материй,
В их серой и пасмурной доле
Лишь голод, нужда да потеря.

Ах, принц их — суровый рабочий,
На принца совсем не похожий
И, может-быть, в темные ночи
На улице первый прохожий.

А счастье? Оно только снится
Невольникам бедным труда,
Оно улетело, как птица,
Куда-то... Кто знает, куда?

БЕЗОТДЫХА

(С немецкого).

Я взгляд на отвожу прилежный
От рук твоих неутомонных.
Загорю повязкой нежной
Зарницы глаз твоих бессонных.
Ты целый день до звезд томилась
Среди фабричной духоты
И вместо отдыха склонилась
Над пенистым корытом ты,
Суббота! Кончена работа.
Ко всем приходит отдых сладкий
И только ты должна без счета
К одеже пришивать заплатки.
Ты отдыха себе не хочешь,
Как будто вред приносит он,—
Все суетишься, все хлопчешь
И до рассвета гонишь сон,
И в воскресенье, в день покоя,
Когда другие копят силу,
Ты, над своим корытом стоя,
Даришь досуг воде и мылу.
Вот солнце алое, сверкая,
Ложится спать в зеленый луг.
А ты сидишь, не выпуская
Чулка и спиц из ловких рук.

С М Е Р Т Ь.

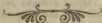
„Вкусная вкусна мало
меда и со аз умираю“.

Кто прожил жизнь, вкушая мало меда,
В чьем кубке был не мед, а горький яд,
Тот смерть зовет и ждет ее прихода,
Он утолен и миру смерти рад.
Она придет. Встречай ее, царицу!
Ей исцелять страдания дано,
В земных полях полынь и медуницу
Скосят она равно.

МУЖИЦКАЯ ДУША.

Помолюсь я солнцу огневому,
Поклонюсь кормилице земле,
Ветеркам и небу голубому
И румяной ласковой весне,
За тебя я жизнь свою с любовью
Положу кормилица—земля.
Я вспомил тебя своею кровью
Окропил слезами я поля,
Много лет тяжелых пережито,
Горьких много выплакано слез,
Лишь теперь обильней будет жито
После трудовых кровавых рос.
Для меня теперь настало время
Развернуться, грудью всей вздохнуть
И с согнутых плеч невзгоды бремя
Навсегда последний раз стряхнуть,
Помоги же мне, весна—царица,
Пред тобой молюся красотой,
Награди поля мои пшеницей
И душистой рожью золотой.
Не совсем душа во мне убита,
Много чувства и силы у меня,
Горечь жизни будет мной забыта
Не боюсь черного я дня.

ПЕСНЯ.

Из кувшинок сплела я венок
На досаду соперниц подруг.
Залюбуется мной паренечек.
Как подружки сойдутся на луг.
 Занграет гармоника танец,
 Станут пары танцоров в кружок.
 На лице моем вспыхнет румянец,
 Подойдет ко мне милый дружок.
Я сама протяну ему руку,
С нежной лаской ему улыбнусь,
Позабуду я ревность и муку
И с любимым по кругу пройдусь.
 Знаю,—станут подружки смеяться
 И меня за нестроимость судить.
 Что мне колких насмешек бояться?
 Стану с милым под ручку ходить.
Опускается белая ночь.
Закурился росой лужок.
Ой, кувшинки, узоры веночка,
Вас приметит-ли милый дружок?
 Я не буду застенчивой, кроткой,
 Чтоб заставить себя полюбить.
 Чтобы ночь весенней короткой,
 Он не мог никогда позабыть.
Как змелая, душа моя бредит,
Вижу я голубые глаза,
Грусть по милом мне сердце бередит,
Ясный взор мой туманит слеза.
 Ах, вы тайные девичьи слезы,
 Не узнает про вас паренек!
 Не цвезы,—я вплела мои грезы
 В благовонный узорный венок.

М И К У Л А.

То не темная ночь по дуброве
Расстилает седые туманы,
То Микулины хмурятся брови
Он глядит за леса, за поляны

Поглядит ли за дали овражья,
Аль к земле приникает он ухом—
Видит взорами полчища вражья,
Чует силу нечистую слухом

Надвигаются вороги тучей.
Хмурит брови Микула не даром,
Зычный голос из груди могучей
Прокатился громовым ударом.

Гой! проснитесь, верные славе,
Со Ильєю, Добрыня, Попович,
Враг идет к богатырской заставе—
Подступает, как чернзя полночь!

Всю я Русь на защиту под'емлю
На подмогу и вы снаряжайтесь
Отстоять Святорусскую землю
Из глубоких могил поднимайтесь.

Тщетно будит Микула собратий
Чтоб могучие витязи встали
И разбойные черные рати
По далеким полям разметали.

Свет Микулушка
Селяиннович,
Не тревожь ты
Илью Муромца,

Не буди
Добрыню Никитича
Не зови
Алешу Поповича

Крепко спят Илья
В сырой земле,
Крепче спят его
Братья меньшие

Не поднимет их
Богатырский клич,
Не разбудит их
Небесный гром.

Но не все себе
Смерть взяла у них,
Дух и силу их
Нам оставила,

Свет Мякулушка
Селяниноич,
Сам иди спасать
Русь сермяжную.

О твою ли грудь
Богатырскую
Расшибуют в прах
Силы вражие

Вольный дух тяжелее, чем палица,
Закаленный в великой борьбе:
Лишь дохни, все гнилое развалится,
Все своей покорится судьбе.

Все пронякнется верой глубокою
В торжество неизбежного дня,
Что маячит звездой далекою,
Наши взоры на отдых маня.

Поднимите же веки упавшие,
Поглядите с надеждой вперед—
Там ваш отдых, больные, уставшие
Чей от радости дух не замрет.

Пусть темна и терниста дорога,
Нас ведет она к светлым мирам,
Мы стоим у иного порога
У порога в неведомый храм.

Развернись же всей грудью Микула,
Злая сила исчезнет, как дым,
Что, тебя потревожить дерзнула
С ней покончи ударом одним.

ТАЛЬЯНОЧКА.

I.

Эх, пойду-ка я с гармошкой
Мимо дома лапушки
Ни дорогой, ни дорожкой,
А лужком по травушке.

Тонок, звонок голосочек
У гармошки новенькой.
У зазнобушки глазочек—
Цветик чернобровенький.

Ты играй, моя гармошка,
Ты играй, тальяночка!
Глянь на улицу в окошко,
Девочка смугляночка!

Ладно, складно, лад в ладошек
Песенка играется.
Ты постой со мной чуточек
У ворот, красавица.

Заливается гармошка,
Разошлась тальяночка.
Нет милашки у окошка,
Где же ты, смугляночка?

II.

В чистополье на раздолье дика яблонка
[цвела
Краше яблонки нарядной я младешенька
[была.

На народе в хореведе родни не было со мной
Ни с лица, ни нравным станом, ни тяже-
[люю косою.

А у мельника на мельне внук молодойчик
[проживал.
Лучше всех он на тальянке песни разные
[играл.

Коль захочет,—все захочут; не захочет,—
[всем тоска.
Крепко сердце полюбило разудала паренька.

Ночи лета до рассвета миловались мы
вдоем.
Ровно голубь и голубка у оврага над
[ручьем.

Хвать неожиданно-негаданно громом ухнула
[беда.
Не избыть мне горе-муку, не запомнить
[никогда.

Вот собрались, столковались все деревни
[о кругом
Порешить с казенным лесом, поделить его
[добром.

Да недолго,—ах недолго!—пировали топоры.
Прикатил сам губернатор с казаками в те
[поры.

На погоете—новы гости, сразу десять че-
[ловек.
А среди них и мой соколик упокоился навек.

В чистополье на раздолье дика яблонка
[грустит.

Обрывая желты листья, ветер веткам
[хрустит.

Над могилой, — милый, милый! — плачу, пла-
[чу я по нем

Жалче яблонки, забитой мокрым ветром и
[дождем.

III.

Ах, не думала я с Колюшкой
Расстаться никогда!
Разлучила нас неволюшка —
Великая беда.

Как настали дни свободны,
Он в политику попал;
Все про горести народны
Прокламации читал.

Говорила ему маменька,
Твердила ему я:
„Доведет тебя до каменки
Политика твоя.“

Он не слушался, смеялся
С разговора моего;
С демократами спознался,
Отростил волосья — во!

За землицу да за волюшку,
За мудрый разумок
Посадили друга Колюшку
Во каменный острог.

В месяц раз дают свиданье
Да и то на пять минут.
Моего они страданья,
Лиходеи, не поймут.

Всю-то ноченьку утрюмую
Не сплю я от тоски,
Все о миллом друге думаю.
Ушли мои деньки.

Скоро суд. Свое селенье
Он увидит уж навряд.
Отошлют на поселенье,—
Давокаты говорят

III.

У моей милашки губки—
Алые пиявочки.
А глазенки у голубки—
Повострей булавочки.

* * *
Вдоль по улице пройдетя
Так, что любо-дорого;
Кто не знает ошибется:
Барышня из города.

* * *
Не шуми, не пой лесочей,
Улетай соловушка:
У нее-ли голосочек—
Пропадай головушка!

* * *
Про нее разводят бабы
Разговоры вздорные:
„Всем девченка хороша-бы,
Только—непокорная.“

Скоро свадьбу нам играть,
Пир веселый пировать;
Мне на нем княгиней сесть,
Гостю—чарка, хмелю—честы!

.. * *

2. КУДРИ.

„Продай паренек, кудри“
(Русск Нар. Песня)

Вдоль по берегу гуляет
Щеглеватый паренек.
Чешет, гладит, разгребает
Русы кудри ветерок.
Идут девушки неблизко
По лазоревым цветам.
— „Эй, купец, остановись-ка!
Не продашь-ли кудри нам?“
Паренек тряхнул кудрями:
— „Я продать вам кудри рад.
Да сторгуемся-ль мы с вами?“
— „Отчего же? аль женат?“

3. РАЗЛУКА.

„Друга и долгого путина далека
Разлучила нас широкая река“
(Волжск Нар. песня)

Волга—матушка, родимая река!
Широка ты, глубока ты, далека.
Унесла ты на расшивушке дружка.
Раздружились мои отецки со сном.
Всю-то ноченьку я думаю о нем—
О любезном, ненаглядном, дорогом.

А в саду в кустах соловушко поет,
То-ль подруженьку под крылышко зовет?
То-ль тоскует, что она к нему нейдет?
Замолчи, душа—соловушко—не пей,
Не хмели-моей головушки хмельной
Ты размычивой любовною тоской!
Коротка весною-ночка, коротка,—
Коротка, да не без милого дружка...
И его, быть может, мучает тоска?
Встану, встану я на ранней на поро,
Растворю мои ворота на дворе
Я навстречу ясной утренней заре,
Выйду, выйду я на зелен на лужок;
На лужке сорву я аленький цветок;
Поцелую цветик в яхонтов глазок;
Брошу цветик в Волгу—матушку реку:
— „Отнеси его любимому дружку
Расскажи ему про грусть мою—тоску!“

4. ВДО-ВА.

Под горою быстра реченька течет,
А за реченькой слободушка стоит.
Край слободушки березынька растет.
Из-под веток домик на поводь глядит,
В тихом домике печальная вдова
Взвнет-сохнет у коклюшек под окном.
Кем-же выбита притоптана трава
У крылечка со узорным козырьком?
Вечерами,—примечает попадаья,—
Из за города на слободу в конец
По реке скользит проворная ладья.
А в ладье сидит удалый молодец.
На рассвете—примечает пастушок,—
По-за город от слободки на обход.

Где ласкает быстрю реченьку лужок,
Тихо лодочка ленивая плывет
Люди бают, что тяжеле старина
Как у вдовушки покойный муженек.
Не знавали. Извелась она, пока
Не смигнулся с ней веселый паренек.
Люди бают: смертным зельем извели
Полюбовнички счастливые его
Оттого, как гроб из горняцы несли,
Вдруг он треснул ни с того и ни с сего.
Люди бают,—и в могиле не дает
Резаность старому покою; по ночам
Все он ходит у крылечка стережет;
Смотрит в окна: что-то делается там...
Люди бают... Пусть их бают.—не замай:
Надож как-нибудь разныкивать тоску.
Ты играй, моя желеечка, играй!
Лейся, песенка, по зеленому лужку!

5. МОГИЛА

В тихом садике березынька нерестится.
Вся зелеными листками убирается.
Над садочком ночки ласковой предвостница
Нежно звездочка мерцает-разгорается
Я пошла бы во садочек, — душат слезыньки,
Разрывает сердце лютая кручинушка
Ах, у той-ли у курявой у березыньки!..
Было зренья... знала счастье сиротинушка...
Далеко дружка угнали за Урал-реку,
Да на вечное угнали поселение
Не отца аль мать убил он, за политику,
За народ, за волю принял он мучение.
Долго восточки ждала я — дожидалася
Полинял от слез передник, стасли очаньки.

Долго весточки ждала я и дождалась...
Ой, как вспомню, станет страшно, нету
[моченьки.

Ой, лежит мой ясный сокол во могилушке,
Кто оправит ту могилку одинокую?
Обернуся я кукушкой, скину крылышки.
Полечу на ту я сторону далекую.
Прилечу я, опущусь я над могилкою.
Разкажу ей, как сердечко стесковалось.
Слышь, мой сокол, слышь, мой ясный, твой
[милая
И за гробом тебе верно осталась!

В. Т Р О Й К А.

По дорожке столбавой
Мчится треечка домой,
Вихрит снег из-под саней.
Ветру впору гнаться с ней

Длиннь-длиннь-линнь... — колокольцы
Разговаривают;
Лю-ли, лю-ли... — бубенцы
Подзадоривают...

В бляхах — сбруи дорога;
Жестью кована дуга;
Крылья саночек с задком
Изукрашены ковром.

Длиннь-длиннь-линнь... — колокольцы
Рассыпаются;
Лю-ли, лю-ли... — бубенцы
Заливаются...

Весел с чарки ящичек.
Вьется красный кушачек.
Кругла шалочка с пером;
В серединке — хвост в нем.

Длинъ-динь-динь... — козочки
Разговаривают;
Лю-ли, лю-ли... — бубенцы
Подзадоривают...

Снежным дальям нет конца.
Шире удаль молодца.
Кони сыты — так и реут.
Шибче, шибче; свистнул кнут!

Длинъ-динь-динь... — колокольцы
Рассыпаются;
Лю-ли, лю-ли... — бубенцы
Заливаются...

ДЕРЕВНЯ.

1. Хоровод

Проплыло стадо пылью золотой,
Свечерело. Месяц медленно встает.
В старой роще на лужайке над рекой
Водят девушки и парни хоровод.

От реки туман раскочивиться ползет,
Легкой дымкою затнгиивает луг.
Далеко в спокойном воздухе плывет
Песня звонкая разливами вокруг.

Мерно движется под песню зыбкий круг;
Тело к телу заплела живым венком
Цепь упругая засероных крепких рук,
Обожженных зноем, ветром и трудом.

В середине круга „ходит со вьюном“,
Величавой парой девица краса;
Вьется беленький платочек над плечом,
К стану ластится трубчатая коса.

Пала на землю остывшую роса,
Гасит сон в кривых оконцах огоньки,
Дремно. Только молодые голоса
Заливаются за полночь у реки.

2. ДЕВИЧНИК.

В закоптелой прибранной избенке,
У стола, в углу под образами,
Среди девушек-подруг невеста
Голосит обрядными слезами.

На столе лежит пшеничный слобный
Каравай : зашпианным узором,
В каравай тот воткнута сосенка,
Пахнет ситцем и зеленым бором.

Убрана-наряжена невеста,
А еще пышней ее — сосенка;
Каждый сук унизан лоскутами,
Льются песни веселе и звонко.

Льются песни думки передумки,
Под зубами щелкают орехи,
У дверей, раскрытых настежь в сени,
Вьются шутки, вспыхивают смехи.

По веселым ярко-цветным платьям
Буйный луч обманам играет,
Шелестит задорное веселье...
А невеста плачет причитает:

— Не расти осенке, с корня снятой,
Во яру-бору на вольной воле,
Ах, прощайте, милые подружки:
Не гулять мне, видно, с вами боле*...

3. БОСЯК.

Выпил, шел тропинкой от заставы,
Задевал, качаясь, за плетень.
Под ногами слутанные травы
Шелестала лирикань тень.

Слотыкнулся, — растянулся, «ледно!»
Проворчал в усы и захрапел.
С долухами и крапивой жадной
У плетня боролся чистотел

Плети рук раскинулись устало.
Мягче пуха жирная земля;
И качает, словно опахала,
Ветер ветки, листья шевеля,

Отвернулся ворот у рубашки;
Паучек катается как ртуть!
И целует алый цветик кашки,
Колыхаясь, бронзовую грудь.

С неба льются трепи жаворонка,
Шелестит зеленый полумрак,
Сладким сном безпечного ребенка
Будет спать до вечера босьяк;

А проснется, сядет на пригорке,
„Козью ножку“ медленно сверлет,
Жадно втянет сладкий дым махорки
И обратно в город повернет.

4. ХОЗЯИН.

Светло от солнца и достатка
В его избе. Под потолком
На полке — образа, лампадка
С воскресным подним огоньком,

Под образами — стол накрытый;
На нем — кипящий самовар,
Большой, тяжелый домовитый.
Туманит стекла потный пар

Вокруг стола семья большая
Гремит посудой, жует.
У ног, подачи ожидая,
Лениво трется сытый кот.

В углу, закрыв спинной кражистой
Картину Старшего Суда,
Сидит он сам; как снег пушистый,
Блестит седая борода.

Дымится сочень ароматно
В большой веснушчатой руке.
Играют солнечные пятна
На длинномполном сюртуке.

Потеет жирный лоб от чая;
Девольство наслится в глазах;
Но дума деловито злая
Вяжет в насупленных бровях.

5. Последняя весна.

Пестреют по взгорью проталинки.
Бежит из под снега вода.
Стряхнули избушки завалинки.
Затоплена гать у пруда.

Всю зиму за печкой с ягнятами
Прокашлял, промаялся дед,
Стараясь тулупом заплатаанным
Согреть сдряхлевший скелет.

Возиялся, шептались шишиморы
В бессонной ночью тишине
Смеялись над старым кикиморы:
И жары душили во сне

Не чаял старик умирающий
До вешних донькаться дней
И нынче счастливый, сияющий
Он вышел, крестясь, из сеней.

Сидит на комодике и жмурится.
Слезятся морщинки у глаз.
Кудахчет на задворках курица,
Добольная тем, что снеслась.

Синеет под вербой плакучею.
Канавка: водой затекла.
Сверкает над мусорной кучею
Алмазом, осколок стекла.

Мечтают скворцы у скворешника.
Хлопочут на гнездах грачи.
Тенями от веток орешника
Плетут паутину лучи.

Откуда-то знать — от околицы,
Доносятся крики ребят
Смеются, катаются, ссорятся
И бабками звонко гремят.

Бренча коромыслом и ведрами,
Соседка к колодцу прошла.
Подоткнута юбка над бедрами...
Давно-ли девченкой была?..

Подходит собака, ласкается,
Виляя кудлатым хвостом...
И ласково дед улыбается
Беззубым, ввалившимся ртом.

Прокопий праведный.

(повотно Рерика).

Старик смотрел иза дали горных круч,
На ширь реки в дыму глухой долины,
На дальний лес, неведомый, старинный,
И в вышину—на стрелы быстрых туч.

Пугали серой жутью небеса,
Зубцы лесов, как топоры, страшили,
Но по реке, светлея, барки плыли,—
Шумели, золотится паруса.

Кто эти люди? Как их разгадать?
То дикари, в густой звериной шкуре,
Любимцы-ль светлоликие лазури.—
Старик не мог и не умел узнать.

Одетый в рубише, старик благословлял
Невидимых, неведомых живущих,—
И кротко им, бродящим в тихих кущах,
Приветственное слово посылал..

—Жильцы густых, незнаемых лесов,
Я вас благословляю, братья...
...И все смотрел на облачные рати,
И на цветное пламя парусов..

ДУБКИ.

1. СПАС.

На пыльной полочке—засохнувшая верба,
Пахучий воск—сгоревших свеч слеза,
—Нежней апрельского безоблачного неба
У Спаса благодущные глаза.
А на плечах—прозрачный шолк хитона,
И прядь волос нежнейшим светит льном,
И перевита ласково икона,
Поблекнувшим ромашковым венком.

2. Из Мельникова-Печерского.

Разбитые старые прясла,
Покой бездорожных долин.
Заря отцвела и погасла.
Снега отуманила синь.
Как глаз, золотистый и зоркий,
Луна между тучек горит,
И тих на пушистом пригорке
Старинный раскольничий скит.

3. ВЕЧЕР.

Полата, стол и пасть сухого чана,
Горшки, зипун. За окнами-закат.
А молодница в ярком сарафане—
Березка в золотистый листопад,
Она глядится в зеркальце обломок,
Лен-косу нежно крутит и плетет,
Ей грезится белеющий проселок
И парень, что в беседу уведет.

А бабушка развязывает лапти—
Крестит и охает столетний старичок,
С улыбкой кроткой смотрит на палаты
И крестится в передний уголок...

4. ФИЛИППОВ ПОСТ.

Алый блеск мигающей лампадки;
Лик святого радостен и нем.
Бабушка рассказывает сказки
Про волхвов и тихий Вифлеем.
Тихо бабку слушают ребята,
И звезду да маски мастерят
А окно задумавшейся хаты
Золотит пылающий закат.

5. В И З Б Е.

На подоконнике убогая лубянка,—
(Должно-быть, бабушка на теплой печке
плел),—
И в ней прозрачная и яркая костянка—
Алеющий коралловый раззол,
Блестит изба в лучистых зорних пятнах.
Несет в оконце мягким холодком.
А от костянки—сочный русский запах
Оросненным и сладким сосняком...

6. МЕЩАНСКОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ.

Дед-мороз-прохожий, древний странник
Рядит окна в кольца серебра.
На божнице кожалый помянник,
Свечка и сухая просфора.
Старый кот задумчиво и мудро

Что-то непонятное ворчит.

— Ярко, тихо солнечное утро,

Самовар, как песенка звенит.—

И дымок от самовара сизый

Вьется нежно, словно кисея,

На буфете—старые сервизы;

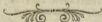
Стены-голубая чешуя.

Зеркала, рушник и безделушки,

Старомодных кресел ряд.

— А часы с печальницей-кукушкой

Заглушенно, ласково гудят..

В ГОРОД.

От тихой глади серых пашен,
От мертвенности в деревнях.
Иду туда, где шпиль башен
Вонзает в небо остря,

Иду парчевыми полями
На яркий, алый блеск огня.
И город звонкими гудками
Влечет таинственно меня.

В завернем солнечном заходе
Строенья золотом горит,
На огнедышащем заводе
Машины сталью говорят.

О город, город, странный жуткий
В тебе — борьба, движение, звон.
А там — в оставленном закутке
Низвоз тинный, страшный сон.

ФАБРИЧНАЯ ПЕСЕНКА.

Умирает солнце яркое...
— Маня, выйди на крыльцо,
Посмотри, какое жаркое
На руке моей кольцо!

Я колечко обручальное
На твоей руке зажгу —
Вспыхнет радость беспечальная
Изумрудом на лугу.

Расцветает белой лилией
Месяц бледный в синеве...
—Выходи, скорей милая
Сядь со мною на траве!

Чу! какие торопливые
Звуки—шорохи шагов.
Ах, какой теперь счастливый я—
Сердце быстрит звонкий ков!

Вот она—моя желанная
Губка—алый цвет зари.
—Сердце, сердце бесталанное
Яркой радостью гори!

Дань сгорбленный походкой старой
Ушел за грань, смыкая вежды
На звонких плитах тротуара
Кипят шаги ярчей, чем прежде.

Оделся синей шалью город,
Что на прокат ему дал вечер.
И ночь плащом окинет скоро
Холодно—каменные плечи.

И речи улиц странных, гулких
Растают в темноте тоскуя,
По грязи черных переулков
Зачем брежу, чего ищу я?

Я молотом шагов могучих
Вбиваю звоны в тротуар.
Разбойник красный из-за тучи
На стеклах раздувает жар.

Он хочет каменные зданья
И заводские корпуса
Зажечь и, в огненном сияньи
Уйти по тучам в небеса.

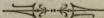
О, утро, утро городское
В тебя, пришелец я, влюблен,
Когда ты алою зарею
Бросаешь в город жизнь и звон.

Кидают в воздух тихих улиц
Свой рев заводские гудки,
(В деревне по утрам сутулясь
Так пастухи дудят в рожки).

Развешен в пыль молчанья камень
Железным скрежетом шагов—
Идут рабочие волнами
Туда, где гулкий гуд гудков,

Глотают серые ворота
Рабочих черную змею.
Как из насоса в небо кто-то
Пускает дымную струю,

И в шуме возбужденном страстном
Парам дышат корпуса.
Огни же в окнах гаснут, гаснут:
Уплыло солнце в небеса.

А. Сумароков.

Будь тверд, как сталь, неотразим, как меч,
Возжи свой дух, когда мятется тело!
Умей сердца дрожащие зажечь
На правый бой за гибнущее дело!

Но знай одно, что, мшенье затая,
И трус не спит: он потаежно рыщет,
Спокойно—мудрый, злобный, как змея,
Он в черный день всегда тебя отыщет.

Пимену Карпову.

Глухой, угрюмый город скучен,
А там уж теплется земля.
Журчащей влагою озвучен,
Иду, куда влекут поля!

Прости уют! Мне сумрак страшен.
Я ухожу в бескрайный день
Принять печали темных пашен
В огнях далеких деревень.

Как хорошо, не зная раздумья,
Итти на вкрадчивый призыв
В тоске весеннего безумья
В родной простор безвестных нив.

Звенит, звенит мой древний посох,
Ложатся тени, как мечи,
Клубится высь в туманных плесат,
И звезды искрятся в ночи.

Я познаю печаль бездомных
В твоей таинственной судьбе,
Чтоб одиноко в далах темных
Скорбеть и плакать о тебе.

Весенний день светлей, раздольней
Глядит сквозь яркие лучи,
Как над старинной колокольной
Чернея, носятся грачи.

Звонящей влагою изжален
Раздался снег, и тонкий дым
Над чернью преющих проталин
Повиснул пологом седым.

Поют ручьи, струятся речки,
И с светлой, синей высоты,
Как загоревшиеся свечки,
Блестят церковные кресты.

И видят звезды темной ночью,
Как, нарушая шумом тишь,
Сползает тихо к узорочью
Последний снег со скользких крыш.

И счет веду я дням, неделям,
И жду, когда в родной глуши
Весна коснется ярим хмелем
Моей тоскующей души.

СТАРУШКА.

Сидит у окна и глазами бесцветными
Смотрит на улицу сквозь большие очки.
Вон и тропинки уж стали заметными,
И в окне суетятся на стеклах жучки.

Кто это там так кричит и ругается?
А, это ребятишки шумят у ворот.
Ишь, пострелята без дела шатаются!
И кука это нынешний смотрит народ?

Скучно сегодня! За ранней обедней
Взгрустнулось о дочке: не пишет письма.
Вот проживу здесь недельку последнюю
И пойду потихоньку, пешечком сама.

Утром представилась Дарья Егорова,
Царство небесное, вечный покой!
Завтра Пречистая будет из Второва—
Не забыть бы сходить за водицей святой.

Не нарадуешься белому свету здешнему—
Луковка в плошке пускает стрелу,
Солнышко светит в окошки по вешнему,
Зайчик упал золотой на полу.—

Скоро к вечеру. Покуда до ужина.
С грехом пополам, не попить ли чайку?
Ох, не грешно ли? Да горло простужено
И что—то как будто стреляет в боку.—

Ии попить? А? Ах, ты, греховодница!
Гореть тебе беспременно в аду!
„Я тебе, старая сплетница, сводница!“—
Батюшка скажет, как в прошлом году.

Нынче у Сидора сваты с'езжаются.
Бабы у окон визжат и грязнят скамью.
Вот погоди! Женишок то спокоеется,
Взявши на шею такую змею.

Ехидная девка! Что мне ответила,
Когда ее, подлую прошлой зимой
На самый крещенский сочельник заметила,
На сене, в сарае, с солдатом Кузьмой?

Бог с ней! Да вот хоть бы Дарья Егорова
Царство небесное, вечный покой,
А уж любила посплетничать здорово,
В дело и тешил супруг-то клюкой.

Вскипел, вскипел! Никак гулянки устроены?
Так и есть: парни и девки сидят на бревне
И то уж? Все там будем, где цари и воины
Не одной же, в самом деле, гореть в огне?

В ГОРОД.

Иди туда, где звонко сталь куется,
Где вьется едкой гарн полоса,
Где бурный шум от взмахов колеса
Под сводом камня глухо раздается.

Оставь поля, где нега дышет,
Оставь небес лазуревую даль!
Иди туда, где в горнах пламя пышет,
Где молотом дробится сталь.

Туда, где воют и гудят приводы,
Где стук и лязг железа и машин,
Туда где корпус-исполин
Раскинул камнейные своды.

З И М А.

Трещат щелявые ворота, —
На улице — седой мороз,
А за рекой у поворота
Скрипит полозьями обоз...

Восходит радужное солнце,
Слит заколдованный простор,
Обледенелое оконце
Горит от солнца, как костер.

В мохнатых шапках и вязанках
Ватага вольной детворы
На скользких голубых лезанках
Катается с крутой горы.

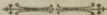

КУЗНЕЦ.

Из гудящего жгучего горна
Пышет пламя расплавленным золотом,
Бьет кузнец по железу проворно
Сокрушительным молотом,

В лучезарный, бурливый поток
Золотистые искры сливаются
И в могучей руке молоток
Высоко поднимается.

Пламя, пенься, туди и бушуй
Развивайся, как яркое знамя!
Эй, товарищ, сильнее раздуй
Раз яренное пламя!

Шоска девицы.

Под кудрявою черемушкой
У речного камыша
Расставалася с Еремушкой
Красна девушка душа:

— Ты прощай прости, Еремушка!

Уцелеешь ли в бою?

Ах, душистая черемушка,

Грусть уйми скорей мою...

— Вот возьми, — и разрыдалася...

— Перстень с девичьей руни...

— Помни, как с тобой рассталася

Я в тумане у реки...

— Буду помнить я черемушку

Подвенечный белый цвет,

Моего дружка Еремушку

И весенней зорьки свет...

Содержание.

	стр.
Предисловие	3
Мих. Артамонов	5
Мих. Барсуков	26
Ив. Жижин	27
Л. Зефиров	40
Калика Парехожая	43
Ник. Колоколов	45
Я. Коробов	47
Дм. Костромской	48
Ал. Луганский	50
А. Ноздрин	53
Сер. Огурцов	57
А. Рязанов	59
Н. Рязанов	60
Сер. Селянин	66
Дм. Семеновский	62
Сер. Семин	77
Вас. Смирнов	82
Ник. Смирнов	98
Ал. Сосневский	102
А. Сумароков	105
Н. Уроков	109
Ив. Якимичев	111

(Фамилии авторов расположены в алфавитном порядке).

the 1990s, the number of people with diabetes has increased in all industrialized countries. In the Netherlands, the prevalence of diabetes is estimated to be 6.5% in 1995, which corresponds to 1.5 million people (1).

Diabetes is a chronic disease with a high prevalence and a high mortality. The most common complications of diabetes are cardiovascular disease, nephropathy, retinopathy, and neuropathy. The prevalence of these complications is high, and the mortality is also high. In the Netherlands, the mortality of diabetes is estimated to be 10% per year (2).

The most common complication of diabetes is cardiovascular disease. The prevalence of cardiovascular disease is high, and the mortality is also high. In the Netherlands, the mortality of cardiovascular disease is estimated to be 10% per year (3).

The most common complication of diabetes is nephropathy. The prevalence of nephropathy is high, and the mortality is also high. In the Netherlands, the mortality of nephropathy is estimated to be 10% per year (4).

The most common complication of diabetes is retinopathy. The prevalence of retinopathy is high, and the mortality is also high. In the Netherlands, the mortality of retinopathy is estimated to be 10% per year (5).

The most common complication of diabetes is neuropathy. The prevalence of neuropathy is high, and the mortality is also high. In the Netherlands, the mortality of neuropathy is estimated to be 10% per year (6).

The most common complication of diabetes is cardiovascular disease. The prevalence of cardiovascular disease is high, and the mortality is also high. In the Netherlands, the mortality of cardiovascular disease is estimated to be 10% per year (7).

The most common complication of diabetes is nephropathy. The prevalence of nephropathy is high, and the mortality is also high. In the Netherlands, the mortality of nephropathy is estimated to be 10% per year (8).

The most common complication of diabetes is retinopathy. The prevalence of retinopathy is high, and the mortality is also high. In the Netherlands, the mortality of retinopathy is estimated to be 10% per year (9).

